

Научная статья

УДК: 347.77

Правовые режимы и правовые модели охраны интеллектуальных прав

Олег Витальевич Ревинский,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

Кандидат юридических наук, профессор кафедры Патентного права и
правовой охраны средств индивидуализации

o_revinski@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

Аннотация. В статье анализируются несколько примеров, применимых при разработке правовых режимов и правовых моделей охраны интеллектуальных прав отечественных правообладателей в условиях западных санкций. Показано, что прямая национализация в ответ на эти санкции неприменима к объектам интеллектуальных прав. Но на основании проведенного анализа сделано предложение о возможном применении норм из Гражданского кодекса Российской Федерации к зарубежным компаниям, ушедшим с отечественного рынка.

Ключевые слова: правовые режимы, правовые модели, национализация, интеллектуальные права, недружественные компании, товарные знаки.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (6-ГЗ-2023).

Для цитирования: Ревинский О.В. Правовые режимы и правовые модели охраны интеллектуальных прав // IP: теория и практика. – 2025. – № 3.

Original article

Legal regimes and legal models of protection of intellectual rights

Oleg V. Revinskiy,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

PhD, Professor of the Department of Patent Law and Legal Protection of Individualization Means

o_revinski@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2566-8958>

Abstract. The article analyzes several examples applicable in developing the legal regimes and legal models of protection of intellectual rights of domestic rightpossessors in the context of western sanctions. The direct nationalization is shown as inapplicable to the intellectual right objects. But on the ground of carried analyze a proposal is made on possibly applying the norms of the Civil Code of Russian Federation to the foreign companies leaved the domestic market.

Keywords: legal regimes, legal models, nationalization, intellectual rights, unfriendly companies, trademarks.

Funding: The research was carried out within the framework of the research project “Foreign experience of nationalization of intellectual property objects in the context of countermeasures of sanctions policy” (6-GZ-2023).

For citation: Revinskiy O.V. Legal regimes and legal models of protection of intellectual rights // IP: theory and practice. 2025. № 3.

Введение

Вопросам изучения правовых режимов и правовых моделей национализации в разных государствах посвящены уже несколько публикаций [1–5] в рамках научно-исследовательской работы «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (шифр 6-ГЗ-2023). В частности, показано, «что институт национализации не может быть применим к исключительному имущественному праву, возникающему на интеллектуальную собственность», однако «указанное не означает, что законодательством этих стран данное право не может быть ограничено теми или иными способами» [4, с. 72].

Ранее был сделан вывод, что вся палитра нормативного правового регулирования укладывается «в три правовых режима национализации прав на объекты интеллектуальной собственности. К таким режимам относятся: нерегулируемый, где основную роль играет волеизъявление сторон, выраженное в нормах договорного права, частично регулируемый, где действуют как нормы договорного права, так и нормы законодательные, и регулируемый, в котором действуют нормы законодательства» [3, с. 82]. Кроме того, в [3] выделены два типа моделей правового регулирования национализации прав на объекты интеллектуальной собственности: а) без каких-либо условий, т.е.

общая модель, где правовые режимы применяются как таковые; б) с условиями, т.е. особенная модель, где правовые режимы применяются с учетом каких-либо условий. В рассматриваемом случае такими условиями являются санкции, введенные иностранными государствами [3, с. 83].

Настоящая статья посвящена разработке и обоснованию правовых режимов и правовых моделей охраны интеллектуальных прав отечественных производителей, возможных в настоящее время в условиях западных *санкций, с учетом невозможности национализации объектов интеллектуальных прав.*

Основное исследование

В условиях иностранных санкций, направленных на подрыв российской экономики, возрастает значение охраны интеллектуальных прав отечественных производителей. Вследствие указанных санкций многие прежние иностранные участники покинули российский (и белорусский) рынок, однако сохранили свои интеллектуальные права, когда действуют выданные им в РФ патенты и свидетельства на товарные знаки. Ушедшие иностранные поставщики перестали предлагать свои товары и услуги, охранявшиеся соответствующими российскими патентами или свидетельствами, но при этом продолжают поддерживать их в силе, уплачивая требуемые для этого пошлины. В результате россияне не получают товары (услуги), в которых воплощены охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, либо которые маркированы охраняемыми средствами индивидуализации, а российские производители не могут из-за действующих патентов или свидетельств предлагать аналогичные товары (услуги). Когда речь идет о критически важных товарах или услугах, такое положение может угрожать здоровью граждан (скажем, зарубежные лекарства, не имеющие аналогов), а также безопасности государственной инфраструктуры. Например, весной 2022 г. немецкая компания Siemens Mobility, оборудование которой использовалось для обслуживания

скоростных поездов «Сапсан», в одностороннем порядке расторгла договоры о техническом обслуживании этих поездов и заявила об уходе из России [6].

Все это ставит задачу обеспечить должную правовую охрану отечественных производителей (поставщиков), выпускающих (предлагающих) такие же товары или услуги на замену «ушедшим». Самым оперативным способом замены этих товаров (услуг), очевидно, является их копирование, т.к. собственные разработки аналогов требуют затрат времени, средств и усилий. Даже для параллельного импорта необходимо найти посредников и соответствующие зарубежные рынки. В этой связи представляет интерес рассмотрение тех ситуаций, которые уже разбирались ранее в рамках указанной НИР при анализе реализации процесса национализации: какие из них могут быть применены в данном случае. При этом будем иметь в виду «направленность национализации на умножение общественной пользы» [1, с. 101].

1. Национализация Третьяковской галереи в 1918 г., которая проводилась, в том числе, с учетом ее просветительской роли [1, с. 111] и фактически означала экспроприацию полотен и скульптур, находящихся в ее стенах. Об исключительных правах тогда не было речи (эпоха военного коммунизма), и вроде бы здесь не к месту упоминать картины русских художников, говоря о рынке. Однако вспомним, что в годы первых пятилеток некоторые произведения искусства продавались за рубеж для получения валюты. Так что данную национализацию непременно следует отметить.

Проводилась эта национализация в соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров (далее – СНК), подписанным В.И. Лениным. Этот декрет вполне соответствует современному понятию «закон», потому что в те годы верховная власть осуществлялась именно СНК под руководством вождя мирового пролетариата. И, как видим, проводилась эта национализация с целью, которая отвечает государственным интересам.

Проведение такой национализации можно отнести к третьему режиму из упомянутых во Введении, в каковом режиме используются только нормы

законодательства. Что же касается правовой модели этой национализации, то здесь, безусловно, имеет место особенная модель, поскольку большевики устанавливали новую власть на развалинах прежней.

2. Далее имеет смысл привести пример национализации на Кубе, в частности, вспомнить состоявшуюся в 1959 г. экспроприацию предприятия по изготовлению рома под маркой Havana Club. Тогда национализации подверглись материальные активы компании. При этом товарный знак Havana Club был перерегистрирован на правительство республики Куба лишь в 1976 г., поскольку срок предыдущей его регистрации истек.

Здесь, как видим, реально нет никакой национализации интеллектуальной собственности вопреки тому, что утверждается в подписанном накануне выхода в отставку президентом США Д. Байденом так называемом «Законе Бакарди» [7, с. 94–95]. Первая его статья говорит, что данный закон может упоминаться как «Закон 2023 года о несоблюдении в Америке украденных товарных знаков» (No Stolen Trademarks Honored in America Act of 2023). Вторая его статья вносит поправки в закон 1999 г. о конфискации, вводя, в частности, выражение «который используется в связи с предприятием или активами, которые были конфискованы, если только первоначальный правообладатель товарного знака, фирменного наименования или коммерческого обозначения не выразил прямо согласия» [8].

Данный пример приведен исключительно для полноты рассмотрения, поэтому ни к какому режиму и ни к какой модели национализации этот пример не относится, подтверждая установленную ранее невозможность прямого применения принципа национализации к объектам интеллектуальных прав.

Кстати, отметим, что использованный в обоих приведенных примерах термин «экспроприация» считается в современном российском праве синонимичным термину «национализация» [9, с. 151].

3. Еще одним примером, уместным для упоминания в данной работе, является проведенная в 2023 г. в африканской Республике Чад национализа-

ция одного из подразделений американской нефтяной компании Exxon Mobil. В ходе этой национализации были изъяты все активы и права любого рода в этой стране, включая и исключительные интеллектуальные права [3, с. 76–77]. Но реальной национализации интеллектуальной собственности этой компании все же не произошло, поскольку добываемая в Чаде на оборудовании национализированной компании нефть должна перекачиваться через соседний Камерун по нефтепроводу, принадлежащему той же Exxon Mobil [10, с. 86]. То есть если в Чаде и провели национализацию интеллектуальной собственности этой компании (о чем в открытом доступе нет подробностей), использовать эту интеллектуальную собственность даже без распоряжения ею не получается.

Поэтому данный пример, как и предыдущий, невозможно использовать для определения режима и модели национализации.

4. В следующем примере рассмотрим ограничения на распоряжение правами на российские патенты, введенные в Нидерландах в 2022 г., и на российские товарные знаки, введенные в Финляндии в 2023 г. Громко названные в средствах массовой информации «конфискацией», на деле эти ограничения означают блокировку распоряжения исключительным правом и правоприменения (защита прав в суде, препятствование возможности их использования для финансовых операций, к примеру, для залога) [11].

То есть и в этом случае никакой конфискации или национализации патентов или товарных знаков не произошло. Более того, соответствующие международные договоры – Парижская конвенция об охране промышленной собственности и Мадридская конвенция о международной регистрации товарных знаков – не предусматривают такого ограничения исключительного права, как введение упомянутых рестрикций.

Однако учесть данный пример необходимо, т.к. он может помочь в выборе модели национализации (или хотя бы адекватной правовой охраны).

5. Также отметим предложенное к применению в РФ введение внешнего управления в отношении организаций, не менее чем на 25% принадлежащих иностранным лицам из недружественных государств [12].

Проект закона «О внешней администрации по управлению организацией» был внесен в Госдуму 12 апреля 2022 г., но пока так и не принят. В пояснительной записке к этому проекту указано, что он предлагается для защиты национальных интересов Российской Федерации, в том числе для обеспечения ее безопасности и финансовой стабильности, а также прав и законных интересов участников рынка, работников и общества в целом. Внешняя администрация должна была назначаться по решению суда в отношении организаций, которые имеют существенное значение для обеспечения стабильности экономики и производства и в которых иностранные лица из недружественных государств владеют не менее чем 25% акций (долей). В этом законопроекте предложено несколько оснований для назначения внешней администрации, к примеру, закрытие или переориентация значимых производств, увеличение затрат потребителей, угроза существенного сокращения рабочих мест и др. Законопроект получил одобрение Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам¹.

Понятно, что введение внешней администрации не равноценно национализации, к тому же данным законопроектом предусматривается управление материальными активами организаций, но ничего не говорится об управлении нематериальными активами.

Тот факт, что данный законопроект до сих пор не принят и даже не обсуждался после первого чтения, свидетельствует не о его недоработанности, а, скорее, о наличии опасений отпугнуть потенциальных инвесторов вкладывать деньги в российскую экономику. Однако представляется, что совсем отказаться от возможности назначения внешнего управления было бы невер-

¹ Отзыв на проект федерального закона № 104796–8 «О внешней администрации по управлению организацией». URL: <http://budget.council.gov.ru/activity/legislation/review/135597/> (дата обращения: 11.08.2025).

ным. Поэтому, надо полагать, появился президентский указ «О временном управлении некоторым имуществом»².

Заметим лишь, что с национализацией у такого подхода мало общего, так что ни режимы, ни модели национализации в этом примере не рассматриваются.

6. Наконец обратим внимание на ст. 1360 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), озаглавленную **«Использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности»**. В диспозиции этой статьи говорится о «случае крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан». Это как раз та ситуация, которая может возникнуть в результате осуществления санкционных мероприятий, направленных против российской экономики.

Как следует из пункта 1 данной статьи, Правительство Российской Федерации имеет в этом случае право принять решение об использовании запатентованного объекта без согласия патентообладателя, но с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации. Напомним, что национализация осуществляется чаще всего в экстренных случаях, с уведомлением патентообладателя и с выплатой ему компенсации [1, с. 95–96]. То есть норма данной статьи, хотя и касается только правомочия использования какого-либо объекта патентного права, в точности отвечает условиям проведения национализации. Очевидно, что данный случай подпадает под третий режим национализации и ему отвечает модель с условиями, в качестве которых понимаются санкции недружественных государств.

В п. 2 ст. 1360 ГК РФ на Правительство РФ возлагается обязанность определить размер компенсации и порядок ее выплаты правообладателю. Об этом подробнее ниже.

² Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304250033> (дата обращения: 11.08.2025).

Итак, мы рассмотрели шесть примеров национализации или действий, напоминающих ее. Продолжение этого рассмотрения не имеет смысла, поскольку, как уже показано ранее, реальная национализация интеллектуальной собственности невозможна, и в данном случае все примеры представляют собой некие паллиативы, имеющие к национализации отдаленное (а некоторые – весьма отдаленное) отношение.

Тем не менее рассмотрим подробнее механизм признания исключительных прав на нематериальные объекты. Эти права признаются (устанавливаются) в каждой стране верховной властью, от лица которой выступает патентное ведомство этой страны. Такое признание происходит в случае соответствия объекта условиям, установленным верховной властью. В этих установлениях (позитивное – условное! – право) обычно предусматривается возможность как принудительного использования объекта с признанным исключительным правом в экстраординарных ситуациях, так и прекращения правовой охраны в предписанных в законе случаях. Подобные нормы содержатся в статьях 1360, 1398 и 1512 ГК РФ. Рассмотрим отдельные пункты этих статей.

Первая из указанных статей уже разбиралась в последнем примере, но для полноты рассмотрения приведем и ее текст.

«Статья 1360. Использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности

1. Правительство Российской Федерации имеет право в случае крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан, принять решение об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации.

2. Методика определения размера компенсации и порядок ее выплаты утверждаются Правительством Российской Федерации.»

«Статья 1398. Признание недействительным патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец

1. Патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец мо-

жет быть признан недействительным полностью или частично в случаях:

1) несоответствия изобретения, полезной модели или промышленного образца условиям патентоспособности, установленным настоящим Кодексом, или требованиям, предусмотренным пунктом 4 статьи 1349 настоящего Кодекса, а также несоответствия промышленного образца требованиям, предусмотренным статьей 1231.1 настоящего Кодекса;

2) несоответствия документов заявки на изобретение или полезную модель, представленных на дату ее подачи, требованию раскрытия сущности изобретения или полезной модели с полнотой, достаточной для осуществления изобретения или полезной модели специалистом в данной области техники;

3) наличия в формуле изобретения или полезной модели, которая содержится в решении о выдаче патента, признаков, не раскрытых на дату подачи заявки в документах, представленных на эту дату (пункт 2 статьи 1378), либо наличия в прилагаемых к решению о выдаче патента на промышленный образец материалах изображений изделия, включающих существенные признаки промышленного образца, отсутствующие на изображениях, представленных на дату подачи заявки, или изображений изделия, с которых удалены существенные признаки промышленного образца, имеющиеся на изображениях, представленных на дату подачи заявки (пункт 3 статьи 1378);

4) выдачи патента при наличии нескольких заявок на идентичные изобретения, полезные модели или промышленные образцы, имеющих одну и ту же дату приоритета, с нарушением условий, предусмотренных статьей 1383 настоящего Кодекса;

5) выдачи патента с указанием в нём в качестве автора или патентообладателя лица, не являющегося таковым в соответствии с настоящим Кодексом, либо без указания в патенте в качестве автора или патентообладателя лица, являющегося таковым в соответствии с настоящим Кодексом.

<...>».

«Статья 1512. Основания оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку

<...>

2. Предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным:

<...>

б) полностью или частично в течение всего срока действия правовой охраны, если действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией.

<...>».

Очевидно, что нормы ст. 1398 ГК РФ в данном случае неприменимы. Первые четыре подпункта в пункте 1 этой статьи относятся к ошибкам или несоответствиям в описании и формуле. Проверка каждого патента, выданного по иностранной заявке, осуществляется Роспатентом на стадии экспертизы этой заявки, и повторная проверка проводится только по заявлению заинтересованного лица. Пятый подпункт в пункте 1 говорит о случае неуказания должного лица либо об указании недолжного лица в качестве автора или патентообладателя. Напомним, что, согласно п. 1 ст. 1374 ГК РФ, названной **«Подача заявки на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец»**:

«1. Заявка на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец подается в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности лицом, обладающим правом на получение патента в соответствии с настоящим Кодексом (заявителем).

<...>».

Если по заявке принимается решение о выдаче патента, то заявитель, которому и принадлежит право на получение этого патента, становится патентообладателем. Понятно, что патентообладателем по иностранной заявке становится иностранный заявитель, и российский суд не станет доискиваться, правомерно ли указан правообладатель в патенте РФ, выданном по такой заявке. Так что ст. 1398 ГК РФ принимать во внимание не будем и сосредоточимся на двух других отмеченных статьях.

Согласно п. 1 ст. 1360 ГК РФ, использование охраняемого результата интеллектуальной деятельности государством (правительством РФ) без со-

гласия патентообладателя должно осуществляться с выплатой соразмерной компенсации. Здесь очень важным является определение упомянутой соразмерности. Вспомним второй из рассмотренных примеров о национализации на Кубе: в ответ на претензии со стороны США в размере \$7–8 млрд за национализированные активы американских компаний и кубинских эмигрантов власти Кубы потребовали компенсацию за финансово-экономическую блокаду острова с начала 1960-х годов в размере примерно \$100 млрд. В нашем случае необходимо использовать этот кубинский опыт, как уже отмечено в предыдущей публикации автора [7].

В случае подобного использования действующих в России патентов «недружественных» компаний, ушедших с нашего рынка, отечественные производители могли бы на основании таких патентов в кратчайшие сроки наладить выпуск и предложение критически важных объектов интеллектуальных прав, чтобы минимизировать отрицательные последствия от ухода иностранных патентообладателей. Выплачивать же компенсацию (и выплачивать ли) патентообладателям следует с учетом всех издержек и потерь, которые понесет Россия от недружественного поведения этих патентообладателей.

Обратимся теперь к ст. 1512 ГК РФ, согласно которой правовая охрана товарного знака может быть признана недействительной, если действия правообладателя сочтены злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией. При этом упомянутые действия уточнены как «связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку». Напомним, что во втором абзаце пункта 1 рассматриваемой статьи 1512 говорится следующее:

«Признание недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку влечет отмену решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности о регистрации товарного знака».

Отмена решения о регистрации товарного знака означает, что такая регистрация была ошибочной с самого начала, поскольку заявленный на реги-

страцию товарный знак подпадал под основания для отказа в регистрации согласно ст. 1483 ГК РФ. В данном случае нас интересуют абсолютные основания для отказа, перечисленные в пунктах 1–5 указанной статьи. Среди них наиболее подходящим для нас представляется основание, записанное в подпункте 2 пункта 3:

«3. Не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы:

<...>.

2) **противоречащие общественным интересам**, принципам гуманности и морали» (Прим. – *Выделено автором*).

Национализация, напомним, проводится «в интересах общества и государства» [1, с. 96], следовательно, выделенное выше основание вполне годится в данном случае. Санкции недружественных государств, безусловно, противоречат общественным интересам, поэтому, если представленные на российском рынке компании, инкорпорированные в таких государствах, объявили о своем уходе с нашего рынка, то данное поведение невозможно оценить иначе, нежели как противоречащее общественным интересам. Но тогда товарные знаки (часто называемые в средствах массовой информации «бренды») таких компаний, зарегистрированные в России, неизбежно подпадают под вышеуказанное основание для отказа в регистрации.

Никого не должно смущать то обстоятельство, что подобные знаки были зарегистрированы до того, как их правообладатели заявили об уходе из России. Во-первых, согласно подп. 1 п. 2 ст. 1512 ГК РФ:

«2. Предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным:

1) полностью или частично в течение всего срока действия исключительного права на товарный знак, если правовая охрана была ему предоставлена с нарушением требований пунктов 1–5, 8 и 9 статьи 1483 настоящего Кодекса; <...>».

А, во-вторых, императивная норма из п. 3 ст. 1483 ГК РФ (попадающего в перечисление пунктов 1–5 в процитированном перед этим тексте) **не предусматривает никаких изъятий.**

Поэтому представляется уместным предложить применение этой нормы к товарным знакам тех компаний, которые можно условно называть недружественными. Прекращение правовой охраны таких товарных знаков открывает дорогу для регистрации как совпадающих, так и сходных товарных знаков отечественных производителей для маркировки своей продукции, заменяющей продукцию ушедших зарубежных компаний. При этом продукция этих зарубежных компаний, появляющаяся все же на российском рынке с маркировкой знаками, регистрация которых прекращена, должна считаться контрафактной со всеми вытекающими последствиями, как о том говорится и в п. 1 ст. 1515 ГК РФ:

«Товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными».

Напомним и норму п. 3 ст. 1484 ГК РФ:

«Никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения».

На наш взгляд, такая практика окажется эффективнее тех предложений, которые уже прозвучали в средствах массовой информации, к примеру, уменьшение срока неиспользования товарного знака с момента объявления его правообладателя об уходе с российского рынка [13].

Заключение

Сделанные в данной статье предложения полностью отвечают как уже установленной в предыдущих работах по указанной НИР 6-ГЗ-2023 невозможности национализации объектов интеллектуальных прав, так и прямо

выраженной позиции российского руководства, исключившего национализацию западных компаний в нашей стране [14]. В то же время такие предложения вполне возможны в качестве мер борьбы с негативными последствиями ухода зарубежных компаний с российского рынка вследствие западных санкций.

Список источников

1. Аракелова А.О. и др. Методология исследования национализации интеллектуальной собственности. – Москва: Юрсервитум, 2023. – 152 с.
2. Ларина Т.Ю. и др. Анализ состояния нормативных правовых актов, государственных программ/проектов, механизмов национализации объектов интеллектуальной собственности в зарубежных государствах. – Москва: Юрсервитум, 2023. – 118 с.
3. Аракелова А.О. и др. Правовые режимы и модели национализации интеллектуальных прав в государствах глобального Юга. – Москва: Юрсервитум, 2024. – 94 с.
4. Голубев Е.В. и др. Правовые режимы и модели национализации прав на интеллектуальную собственность на примерах государств глобального Севера. – Москва: Юрсервитум, 2024. – 76 с.
5. Ревинский О.В. Правовая охрана и национализация прав на средства индивидуализации товаров в зарубежных государствах / О.В. Ревинский. – Москва: Юрсервитум, 2024. – 94 с.
6. Россия возвращается. С чем связана волна национализации частных предприятий. URL: <https://ukraina.ru/20240303/1053671318.html> (дата обращения: 15.01.2025).
7. Ревинский О.В. Возможности национализации интеллектуальных прав // IP: теория и практика / О.В. Ревинский. – 2025. – № 1. – С. 92–103.
8. Text of H.R. 1505 (118th): No Stolen Trademarks Honored in America Act of 2023 (Passed Congress version) – GovTrack.us. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/118/hr1505/text> (дата обращения: 15.08.2025).
9. Евстратов А.Э. Национализация (экспроприация) собственности иностранных инвесторов: актуальные проблемы / А.Э. Евстратов, И.Ю. Гученков // Правоприменение, 2022, Т. 6, № 2. С. 147–158.
10. Петров Е.Н. Африканский опыт национализации объектов интеллектуальной собственности / Е.Н. Петров, О.В. Ревинский // IP: теория и практика. 2024. № 2. С. 83–92.

11. Знаковое решение. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6312469> (дата обращения: 11.08.2025).

12. Национализация: возврат в прошлое или эффективная мера? URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/nacionalizaciya-vozvrat-v-proshloe-ili-effektivnaya-mera> (дата обращения: 11.08.2025).

13. Враждебность товарного знака. URL: <https://pravo.ru/opinion/253910/> (дата обращения: 11.08.2025).

14. МИД исключил национализацию западных компаний в России. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/05/2024/6656a6569a794781d577a210> (дата обращения: 11.08.2025).

References

1. Arakelova A.O. et al. Methodology for researching the nationalization of intellectual property. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2023. – 152 p. (in Russ.).

2. Larina T.Yu. et al. Analysis of the status of regulatory legal enactments, state programs/projects, mechanisms of nationalizing objects of intellectual property in foreign states. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2023. – 118 p. (in Russ.).

3. Arakelova A.O. et al. Legal regimes and models of nationalizing intellectual rights in global South states. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2024. – 94 p.

4. Golubev E.V. et al. Legal regimes and models of nationalizing rights on intellectual property by the example of global North states. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2024. – 76 p. (in Russ.).

5. Revinskiy O.V. Legal safeguard and nationalization of rights on means for individualizing goods in foreign states. – Moscow: *Yurservitum Publ.*, 2024. – 94 p. (in Russ.).

6. Russia returns. The reason for a wave of private business nationalization. С чем связана волна национализации частных предприятий. URL: <https://ukraina.ru/20240303/1053671318.html> (date of access: 15.01.2025) (in Russ.).

7. Revinskiy O.V. Possibilities for nationalizing intellectual rights. *IP: teoriya i praktika* = *IP: Theory and Practice*. 2025. No 1. P. 92–103 (in Russ.).

8. Text of H.R. 1505 (118th): No Stolen Trademarks Honored in America Act of 2023 (Passed Congress version) – GovTrack.us. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/118/hr1505/text> (date of access: 15.08.2025) (in Russ.).

9. Evstratov A.E., Guchenkov I.Yu. Nationalization (expropriation) of foreign investor's property: relevant issues. *Law Enforcement Review*. 2022, vol. 6, no. 2. Pp. 147–158 (in Russ.).

10. Petrov E.N., Revinskiy O.V. African experience in nationalizing intellectual property objects. *IP: teoriya i praktika = IP: Theory and Practice*. 2024. No. 2. P. 83–92 (in Russ.).

11. Character decision. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6312469> (date of access: 11.08.2025) (in Russ.).

12. Nationalization: return to foretime or effective measure? URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/nacionalizaciya-vozvrat-v-proshloe-ili-effektivnaya-mera> (date of access: 11.08.2025) (in Russ.).

13. Hostility of trademark. URL: <https://pravo.ru/opinion/253910/> (date of access: 11.08.2025) (in Russ.).

14. Foreign Office has excluded the nationalization of western companies in Russia. URL: <https://www.rbc.ru/business/29/05/2024/6656a6569a794781d577a210> (date of access: 11.08.2025) (in Russ.).

Статья поступила 26.08.2025, принята к публикации: 10.09.2025.

© Ревинский О.В., 2025